

17. См.: Магадеев, И.Э. Первая мировая как тотальная война // Новая и новейшая история. – 2014. – №4. – С.15.
18. См.: Шумилов, М.И., Шумилов, М.М. История России: конец XIX – начало XXI веков: Учебник. – Спб., 2008. – С.162.
19. Там же. – С. 163.
20. См.: Гинцберг, Л.И. Ранняя история фашизма. Борьба за власть. – М., 2004; Мазер, В. Адольф Гитлер. Легенда. Миф. Действительность. – Мн., 2004; Соколов, Б. Адольф Гитлер: фюрер, преступник, личность. – М., 2013.
21. См.: Фурсов, А. Большая война XX века. Поджигатели и заговорщики // Завтра. – 2013. – Август. №35 (1032)
22. Цит. по: Стариков, Н. Нас втягивают в войну по образцу 1914 года // Невское время. – 2014. – 27 августа. – С. 5.
23. Цит. по: Штейн, Б.Е. Компьен-Берлин (Капитуляция кайзеровской Германии 11 ноября 1918 года – безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии 8 мая 1945 года). Стенограмм публичной лекции доктора исторических наук Б.Е. Штейна, прочитанной 28 мая 1945 года в Колонном зале Дома Союзов. – М., 1945. – С.4.

ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918/1919 ГОДОВ: ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ

В.А. Космач

Германия к 1918 г. оказалась в крайне тяжелой ситуации, которую можно характеризовать как **«тотальный»** или **«всеобщий кризис»** [1]. На его почве в **ноябре 1918 г.** в Германии разразится **революция**, основными причинами и мотивами которой стали следующие:

Во-первых, хотя Первая мировая война на территории Германии практически не велась, ее «плоды» почувствовала на себе каждая немецкая семья. За годы войны Германия потеряла 2 млн. человек убитыми, еще более 4,5 млн. стали инвалидами. Более 1 млн. немцев оказались в плену. По более точным данным с немецкой стороны Первая мировая война обошлась Германии в 2,4 млн. убитых солдат и офицеров, что составило 18,5% из 13 млн. призванных в армию и 20% от численности населения страны на начало 1914 г. К этому добавлялись 2,7 млн. инвалидов, рано умерших, и 4,8 млн. пропавших без вести [2].

Массовая мобилизация сократила количество квалифицированных рабочих на немецких предприятиях на 25%. В военные годы суммарный объем промышленного производства неуклонно снижался. Если в 1914 г. его уровень составлял 83% от довоенного, то в 1918 г. – лишь 57% [3]. По **Х. Мёллеру**, «в конце войны, в 1918 г., объем немецкой промышленной продукции снизился почти вдвое (до 57%) в сравнении с довоенным уровнем 1913 г., если принять тот за 100%; система производства и распределения была в разрушенном состоянии; эффективность промышленности упала в конце войны почти на 40% в сравнении с довоенным уровнем. В том, что касалось сельскохозяйственного производства, ситуация, при различиях в отношении скотоводческой и растениеводческой продукции, была схожей. Последствия этого для положения со снабжением немецкого населения, а также налоговых поступлений, соответственно финансового положения экономик земель, были очевидны» [4]. К концу войны цены на товарную продукцию в Германии из-за инфляции выросли в 15 раз по сравнению с 1914 годом [5].

Гигантские финансовые расходы истощили бюджетную систему. Государственный долг вырос с 5,2 млрд. марок в 1914 г. до 156,4 млрд. в 1918 г. За 1914-1918 гг. Германия потеряла не менее одной трети своего национального богатства [6]. Постоянно сокращался национальный доход. В 1914 г. он составлял 84% от уровня 1913 г., в 1917 г. – 67% [7]. Накопленный спад ВВП в Германии за 1914-1917 гг. составил более 20 процентов [8]. В стране начинался голод – в конце войны по продовольственным карточкам, введенным для городского населения, в день на человека полагалось 116 г муки, 18 г мяса

и 7 г жира. В деревнях проходили жесткие реквизиции [9]. Неурожай картофеля в 1916 г. повлек за собой страшную **«брюквенную зиму»**. Смертность в стране по сравнению с 1913 г. возросла на 32,3%. За годы войны от голода и недоедания в Германии умерло около 750–760 тыс. человек. Детская смертность возросла на 300% [10].

Тем не менее, Германия продолжала увеличивать запасы оружия и боеприпасов. В конце 1916 г. был принят закон **«О вспомогательной службе Отечеству»**, по которому для всех мужчин в возрасте от 17 до 60 лет трудовая повинность в военном производстве стала обязательной, причем менять работу по своему желанию запрещалось [11]. Рабочий день был увеличен до 12 часов. Хозяйственное истощение Германии завершила так называемая **«программа Гинденбурга»**. Новое Верховое командование, назначенное кайзером в августе 1916 г. в лице **П. фон Гинденбурга** и **Э. фон Людендорфа**, сейчас же после своего назначения потребовало решительного использования для фронта всех ресурсов страны. В Германии стали активно проводиться мероприятия по «растягиванию» запасов сырья, по применению суррогатов в промышленности, жестокой экономии топлива, принудительному изъятию определенных вещей, предметов быта и продовольствия у населения. Особенно бескомпромиссно проводилась мобилизация металлов. У гражданского населения отбирались металлическая посуда, оконные и дверные ручки, печные заслонки; были сняты медные крыши и церковные колокола, а на частных предприятиях снимались медные части [12].

Некоторые мероприятия властей не были продуманы и вели к трагическим результатам. Так, в начале 1915 г. правительство, обеспокоенное резким сокращением запасов картофеля в стране, распорядилось провести массовый убой свиней и разрешило ландратам – главам сельских округов – даже отбирать их у хозяев, отказавшихся выполнять это приказание. С чисто немецкой обстоятельностью была проведена широкая пропагандистская компания, в ходе которой экономисты и журналисты объявили свинью **«внутренним врагом» империи**, поедаям нужное населению и армии продовольствие, а потому ослабляющим силу «сопротивления» немецкого народа. В результате весной было забито около 9 млн. свиней, и к концу года возник явный недостаток мяса и особенно жиров [13].

Военные расходы Германии в конце 1917 г. составили свыше 150 млрд. золотых марок, к концу 1918 г. – не менее 161 млрд. марок. 39,1 млн. немецких граждан в годы войны подписались на займы на общую сумму 98,2 млрд. марок. В последний месяц войны, в октябре 1918 г., ежемесячные военные расходы рейха выросли до 4,8 млрд. марок, в то время как в первый год войны один ее месяц стоил в среднем 1,7 млрд. марок, а на четвертый год войны достиг среднемесячного уровня в 3,8 млрд. марок; **«программа Гинденбурга»** по финансированию войны была «программой отчаяния» [14]. Однако с отчаянием в 1918 г. покончено не было: финансирование войны было лишь (известным образом) перенесено на послевоенное время. Государственный долг за годы войны вырос к середине 1918 г. уже до 165 млрд. марок [15]. Число мобилизованных в армию достигло огромной цифры – 13250 тыс. человек [16]. К весне 1918 г. на Западном фронте Германия держала почти 200 дивизий. 50 дивизий находилось в России [17]. Война привела к резкому ухудшению демографической ситуации. В августе 1914 г. немецкая армия насчитывала около 2 млн. человек, в начале 1915 г. под ружьем находилось уже 4,4 млн. К 1916 г. в армию было мобилизовано свыше 7 млн. человек. К декабрю этого же года только на Западном фронте было убито, ранено, пропало без вести или попало в плен почти 2,5 млн. солдат и офицеров. Силы Германии иссякали, поскольку в весенне-летних сражениях 1918 г. ею было потеряно 800 тыс. человек [18]. Стратегическая инициатива окончательно перешла в руки союзных войск Антанты. Всего же за годы войны на фронтах находилось 13 млн. немцев, или 20% населения Германии [19]. По замечанию профессора **Хорста Мёллера**, «первостепенную проблему представляла собой демобилизация многомиллионной армии. В последний год

войны в ней оказалось около 10 млн. солдат. Их возвращение, и, главное, их реинтеграция в общество в организационном, социальном и экономическом плане обещали быть делом трудным, не говоря уж о скоро выявившихся ментальных последствиях. Эрнст фон Саломон поучительным образом описал в своих книгах менталитет солдатского типа. Преодолеть его республике было трудно, он искал свое новое пристанище в добровольческих корпусах» [20].

Во-вторых, это последствия войны, не поддающиеся арифметическому учету – ожесточение прошедших через фронт и оставшихся в живых солдат и офицеров, их неспособность сразу после демобилизации найти свое место в мирной жизни и готовность решать политические и иные проблемы с оружием в руках. По **Л. фон Мизесу**, «миллионы демобилизованных солдат хлынули по домам, многие из них не расстались с оружием. Они грабили военные склады и останавливали поезда, чтобы добыть еду. В компании с рабочими, потерявшими работу на остановившихся оборонных заводах, они прочесывали сельскую местность в поисках хлеба и картофеля. Сельские жители создавали вооруженные отряды самообороны. В стране царил полный хаос» [21].

В целом немцы, проигрывая войну, все больше ощущали себя как «**униженная нация**», потерявшая «Великую Германию». Они все более активно, в особенности военно-политическая, хозяйственная и интеллектуальная элита страны, искали врагов внутри Германии и вовне, виновных в ее поражении. Моральная усталость нации от войны становилась все более очевидной. В подобной атмосфере в Германии появится «**легенда об ударе кинжалом в спину**» (Dolchstoslegenda), направленная против евреев, марксистов и социал-демократов. Согласно ей Германия проиграла войну не из-за того, что ее армия и флот были разбиты на полях сражений, а из-за того, что Германии нанесли «удар ножом в спину» революционеры и демократы, или так называемые «ноябрьские преступники» [22]. В середине ноября 1918 г. майор Генерального штаба **Людвиг Бек**, позднее начальник Генштаба гитлеровского вермахта в 1935-1938 гг., заявил: «В самый трудный момент войны для нас – и в этом в данный момент я не сомневаюсь – революцией был нанесен преднамеренный, умышленный удар ножом в спину» [23].

В таком духе выступит в Национальном собрании 18 ноября 1919 г. **П. фон Гинденбург** [24]. «Dolchstoslegenda» станет знаменем и идеологией консервативно-националистических сил в борьбе с противниками монархии и сторонниками республиканско-демократического строя, в годы революции и Веймарской республики [25]. По Р. Эвансу, «очень быстро в многочисленных слоях общества с центристскими и правовыми политическими взглядами получил хождение судьбоносный миф, поддерживаемый и распространяемый самими высшими военными офицерами. Вспоминая музыкальную драму Рихарда Вагнера «Сумерки богов», многие люди стали считать, что армия была побеждена только потому, что, как и бесстрашный герой Вагнера Зигфрид, получила смертельный удар в спину от своих врагов внутри страны. Военные лидеры Германии, Гинденбург и Людендорф, вскоре после войны стали утверждать, что армия стала жертвой «тайной, спланированной демагогической компании», которая обрекла все геройские усилия военных на провал: «Один английский генерал верно заметил: немецкая армия получила удар в спину». Кайзер Вильгельм повторил эту фразу в своих мемуарах, написанных в 1920-х: «Тридцать лет армия была моей гордостью. Я жил ради нее, работал ради нее, а теперь после четырех с половиной лет блестящей войны с беспримерными победами нож революционера поразил ее в спину, как раз в тот момент, когда до мира оставалось уже далеко». Даже социал-демократы внесли свою лепту в поддержание этой легенды. Когда возвращающиеся войска входили в Берлин 10 декабря 1918 г., лидер партии Фридрих Эберт сказал им: «Враг вас не победил!» [26].

Известный мыслитель XX в., австрийский экономист, философ и политолог **Людвиг фон Мизес** в своей книге «Всемогущее правительство» так передал содержание «легенды об ударе ножом в спину» и настроения немцев того времени: «Победоносная армия

получила удар ножом в спину. Пока немецкие мужчины сражались с врагом, внутренние враги взбаламутили тыл и устроили ноябрьский мятеж, самое бесчестное преступление всех времен. Сломлен был не фронт, а тыл. Виноваты не солдаты и не генералы, а слабоболие гражданских властей и рейхстага, не сумевших подавить бунт.

Аристократы, офицеры и видные националисты сильнее других переживали стыд и раскаяние за события ноября 1918 г., потому что позднее поняли, что их поведение в те дни было просто позорным. На фронте лишь отдельные офицеры попытались остановить бунтовщиков, но большинство из них примкнуло к революции. Двадцать два немецких трона были сметены с лица земли без малейшей попытки к сопротивлению. Придворные сановники, адъютанты, дежурные офицеры и телохранители смиренно приняли тот факт, что князья, которым они приносили присягу на личную преданность до самой смерти, лишились трона. Никто не последовал примеру швейцарской гвардии, погибшей за Людовика XVI и его сына. Когда толпы штурмовали замки различных королей и герцогов, националисты и партия Отечества никак себя не проявили.

Самоуважение этих сломленных людей было восстановлено, когда некоторые генералы и лидеры националистов нашли объяснение и извинение: все это работа евреев. Германия побеждала на земле, на воде и в воздухе, но евреи нанесли предательский удар в спину. Всякий, кто попытался опровергать эту легенду, немедленно объявлялся евреем или подкупленным еврейским наймитом. Никакие разумные аргументы не смогли поколебать эту выдумку. Ее разобрали по косточкам; каждый из пунктов обвинения был опровергнут с помощью документальных свидетельств; для ее опровержения собраны несметные груды материалов, но все тщетно.

Следует понимать, что немецкий национализм пережил поражение Германии в Первой мировой войне исключительно благодаря легенде о предательском ударе в спину. Без этого националистам пришлось бы отказаться от своей программы, которая целиком и полностью основывалась на тезисе о военном превосходстве Германии. Для сохранения этой программы необходимо было иметь возможность сказать нации: «Мы еще раз доказали свою непобедимость. Но все наши победы не привели к успеху из-за вредительства и саботажа евреев. Если мы избавимся от евреев, наши победы принесут должные плоды».

До этого момента в доктрине немецкого национализма антисемитизм играл второстепенную роль. Он был всего лишь побочным продуктом, а не политической проблемой. Источником тяготения к дискриминационным мерам против евреев, как и к национализму, был интервенционизм. Теперь антисемитизм превратился в центральный пункт, в главный вопрос националистической идеи. Такова была его роль во внутренней политике. И очень скоро он приобрел не меньшую важность и во внешней политике» [27].

По **Н.В. Павлову**, «поражение Германии, которое высшее военное командование рейхсвера вынуждено было публично признать 2 октября 1918 г., и, соответственно, тяжелейшие условия Версальского мирного договора, возлагавшего на Германскую империю всю полноту ответственности за развязывание мировой войны, вызвали у населения глубочайший шок. Встречая возвращавшихся с фронтов части, немцы не уставали повторять тезис о «непобедимости на поле битвы» немецких солдат. Вот только, мол, им нанесли «удар кинжалом в спину» революционеры, стоявшие у истоков Веймарской республики. Особенно усердствовала в пропаганде этой лжеидеи правая пресса. К ее сторонникам принадлежал и фельдмаршал **П. фон Гинденбург**, который, выступая перед комиссией по расследованиям Национального собрания 18 ноября 1919 г., сослался на высказывание одного британского генерала, заявившего, будто германской армии был нанесен смертельный удар с тыла. Бесспорный авторитет бывшего фельдмаршала, которым он продолжал пользоваться в немецком обществе, способствовал тому, что легенда об «ударе кинжалом в спину», несмотря на ее полную абсурдность по существу, с невероятной быстротой распространилась по всей стране и достигла своей

цели. Она постоянно использовалась праворадикальными силами в качестве оружия во внутриполитической борьбе против либерально-демократических партий Веймара. В конце концов, будучи составной частью нацистской пропаганды, она действительно обернулась смертельным ударом против первой германской республики» [28].

В-третьих, к концу войны в Германии необычайно обострились социальные противоречия. Уже весной 1917 г. почти по всем промышленным городам страны прокатились стачечные выступления рабочих, которые требовали немедленного прекращения войны [29]. Общее число стачечников составило в 1917 г. 670 тыс. человек [30]. В январе 1918 г. вся Германия стала ареной всеобщей забастовки. Начавшись в Берлине, она распространилась затем на Рейнскую область, Саксонию, Баварию и другие районы страны. Забастовкой руководили избранные рабочими революционные старосты. В Берлине и ряде других городов возникли первые **Советы рабочих депутатов**. Стаечники требовали немедленного заключения мира, отмены установленного в стране военно-диктаторского режима, амнистии политическим заключенным, улучшения продовольственного снабжения. Общее число участников всеобщей забастовки достигло 1,5 млн. человек [31].

Стаечное движение в стране было вызвано причинами и обстоятельствами военного времени. В Германии в годы войны, как уже было сказано раньше, действовала трудовая повинность для мужчин в возрасте от 17 до 60 лет. Карточная система на хлеб была введена 31 января 1915 г. и к концу 1916 г. распространена по все стране на все важнейшие продукты питания – картофель, мясо, молоко, жиры, сахар. Городская норма потребления хлеба составляла 200-225 г. на человека в день, мяса – 250 г. в неделю. В 1917 г. норма хлеба понизилась до 170 г., или 1 600 г. печеного хлеба в неделю, масла и жиров – до 60-90 г. в неделю; молоко получали только дети и больные [32]. По **Б.Н. Миронову**, немислимого состава «военный хлеб» образца 1917 г. примерно соответствовал хлебу блокадного Ленинграда 1942 г. как по качеству, так и по количеству. В 1917 г. потребление мяса и жиров сократилось до одной пятой довоенного. Введенная с началом войны государственная хлебная монополия в 1916 г. переросла в принудительную продовольственную разверстку. Весь хлеб сверх нормы потребления, равной 9 кг. хлеба в месяц на душу сельского населения, подлежал обязательной сдаче государству. Для лучшего контроля над продрозверсткой на всех производителей были заведены продовольственные карточки. Несмотря на государственное регулирование, цены на рынке обгоняли заработную плату, вследствие чего реальная зарплата работников наемного труда понижалась. До войны пищевое потребление немцев составляло в среднем 3 500 ккал в день, в 1916-1917 гг. опустилось ниже 2 000 ккал, в том числе осенью 1916 г. паек давал 1 344 ккал, летом 1917 г. – 1 100 ккал [33].

В-четвертых, за годы войны оказался сведенным к нулю авторитет политической власти, военно-политической и хозяйственной элиты страны. 28 августа 1916 г., на другой день после вступления Румынии в войну с Германией, кайзер **Вильгельм II** принял решение о назначении генерал-фельдмаршала **Пауля фон Гинденбурга** начальником Большого Генерального штаба, а генерала **Эриха фон Людендорфа** – первым генерал-квартирмейстером, что в отсутствие кайзера ставило последнего в ранг верховного главнокомандующего и в положение второго лица высшего командного состава германской армии после самого императора [34]. По сути, в Германии установилась **военная диктатура германского Верховного командования**, а П. фон Гинденбург стал «военным канцлером». Дуумвират «Гинденбург-Людендорф» уже не был связан в своей деятельности какими-либо конституционными ограничениями. От имени терпящего авторитет кайзера он вмешивался во все области политической жизни страны, вплоть до организации смещения или назначения имперского канцлера.

13 июля 1917 г. кайзером была принята отставка канцлера **Теобальда фон Бетмана-Гольвега** (1856–1921), который пребывал в данной должности с 1909 г. По оценкам

современных российских историков Т. фон БетманГольвег был не только видным государственным деятелем, но и реформатором, лучше других понимал всю важность связи внутренней и внешней политики. Он лучше других германских политиков того времени осознавал, что выиграть войну можно не только на полях сражений, но, прежде всего, путем создания прочной коалиции всех социальных и политических сил страны. Именно в этом, считает российский историк **Г.М. Садовая**, состояла суть «**диагонали БетманаГольвега**», направление которой – межпартийное согласие, гражданский мир, компромисс, превращение СДПГ в государственную партию [35]. «Политика диагонали, – пишет она, – позволила в начале войны быстро установить гражданский мир, который был невозможен без канцлера Гольвега и лояльной поддержки, оказанной ему рабочими Германии. Это была самая крупная победа канцлера». По мнению Г.М. Садовой, политику БетманаГольвега можно сегодня приравнять к **политике национального согласия**, что в начале XX в. было новым словом в государственном управлении. Политический курс и правительственная программа этого канцлера являлась прообразом **центристской политики**, склонявшегося в сторону социал-демократии, то есть прагматичной политики, которая в условиях Германии 1914–1917 гг. неизбежно должна была потерпеть поражение [36].

Новым канцлером по предложению Верховного командования Вильгельм II назначил малоизвестного помощника прусского министра финансов, комиссара по продовольствию **Георга Михаэлиса (1857–1936)**, что оказалось полной неожиданностью для рейхстага [37]. Он оказался бесцветной личностью и верноподданным чиновником, полностью зависимым от Верховного командования. И это обстоятельство обостряло отношения между оппозицией и правительством. Г. Михаэлис оказался не той фигурой, из-за которой кайзер мог бы пойти на конфронтацию с рейхстагом.

1 ноября 1917 г. новым, третьим за годы войны, канцлером и главой прусского правительства был назначен **Георг фон Гертлинг (1843–1919)**, долгие годы заседавший в рейхстаге от партии Центра. Но и это не сняло остроту политического кризиса в стране [38]. Давление «низов» и формирующейся либерально-демократической оппозиции на изживший себя монархический режим с опорой на генералитет нарастало изо дня в день.

Таким образом, **германская революция 1918 г.** вытекала из войны, точнее – из хозяйственно-экономического кризиса и военно-политического поражения Германии в Первой мировой войне. После неудач на Западном фронте в августе 1918 г. генерал **Э. фон Людендорф**, один из самых влиятельных военных в германском верховном главнокомандовании, в сентябре 1918 г. предложил перейти к «гражданскому парламентскому управлению» [39]. Революция могла в любой момент поглотить страну.

См.: Гриневич, В. Народное хозяйство Германии. – Берлин, 1924; Хмельницкая Е. Военная экономика Германии 1914–1918 гг. – М., 1929; Эггерт, З.К. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (август 1914 – октябрь 1917). – М., 1957; Космач, В.А. Германия в 1918–1919 гг.: рождение республики. – Витебск, 2008. – С. 5–9; Он же. Германия после Первой мировой войны: Ноябрьская революция и первые годы Веймарской республики (1918–1923 гг.): монография. – Витебск, 2010. – С. 3–10.

См.: Wehler, H. – U. Deutsche Sozialgeschichte. Bd.4. Vom Beginn des Erstes Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten. 1914–1949. – München, 2003. – S. 232.

Язьков, Е.Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1918–1945): курс лекций. – М., 1998. – С. 69.

См. Мёллер, Х. Веймарская республика: Опыт незавершенной демократии. – М., 2010. – С.118–119.

См.: Камерон, Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. – М., 2001. – С. 432.

См. Майский, И. Современная Германия (экономика, политика, рабочее движение): – М. – Л., 1924. – С. 16.

См.: Патрушев, А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. – М., 2007. – С. 355; Космач, В.А. Германия после Первой мировой войны. – С. 3–4.

Ивантер, А. Хроника русской катастрофы // Эксперт. – 2012. – № 14 (9–15 апреля). – С. 55.

См.: Ватлин, А.Ю. Германия в XX веке. – М., 2002. – С. 37; Новейшая история стран Европы и Америки. XX век: учебн. для студ. высш. учеб.заведений: в 2 ч. / под ред. А.М. Родригеса, М.В. Пономарёва. – М., 2001. – Ч. 1: 1900–1945. – С. 276; Всемирная история. – М., 1961. – Т. VIII. – С. 120–121.

Патрушев, А.И. Указ.соч. – С. 355.

Патрушев, А.И. Германия в XX веке. Учеб.пособие. – М., 2004. – С. 65–66.

См.: Дикс, А. Война и народное хозяйство по опыту Германии в мировую войну. – М., 1926. – С. 102–103; Гриневич, В. Указ.соч. – С. 245–246; Эггерт З.К. Указ. соч. – С. 365–367.

- Патрушев, А.И. Германская история. – С. 356.
 См.: Мёллер, Х. Указ.соч. – С.121.
 Трухнов, Г.М. Революционный подъём в Германии (конец 1918 – середина 1921 г.). – Мн., 1963. – С. 10–11.
 См.: Драбкин, Я.С. Революция 1918–1919 гг. в Германии: краткий очерк. – М., 1958. – С. 49.
 Прохтор, Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. – М., 1989. – С. 16.
 См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М., 2001. – С. 85.
 Патрушев, А.И. Германская история. – С. 356.
 Мёллер, Х. Указ.соч. – С.118.
 Цит.по: Мизес, Л. фон. Всемогущее правительство: Тоталитарное государство и тотальная война. – Челябинск, 2006. – С. 288.
 См.: Драбкин, Я.С. Легенда «об ударе кинжалом в спину» // Новая и новейшая история. – 1964. – № 1. – С. 119-128; Petzold J. Die Dolchstoßlegende. Eine Geschichtsfälschung im Dienst des deutschen Imperialismus und Militarismus. – Berlin, 1963; Geschichtsbuch. Die Menschen und ihre Geschichte in Darstellenden und Dokumenten. – Berlin, 1993. – Bd. 4: Von 1917 bis 1992 / Hrg. P. Guttenberger, B. Mutter, N. Zwolfer. – S. 93.
 Mommsen, H. Aufstieg und Untergang der Republik von Weimar. 1918–1933. – Berlin, 2009. – S. 33.
 См.: Kolb E. Die Weimarer Republik. – München, 1998. – S. 37.
 См.: Buchheim K. Die Weimarer Republik. Grundlagen und politische Entwicklung. – Berlin, 1960. – S.30.
 См. Эванс, Р. Третий рейх: Зарождение империи. 1920–1923. – М., 2010. – С. 96–97.
 Цит.по: Мизес, Л. фон. Указ.соч. – С. 264–265.
 Цит.по: Павлов, Н.В. История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель. – М., 2012. – С. 75-76.
 Драбкин, Я.С. Указ.соч. – С. 50–52; Обушков Н.Г. Массовое революционное движение в Германии в феврале-октябре 1917 г. // Новая и новейшая история. – 1957. – № 1. – С. 136–150.
 Язьков, Е.Ф. Указ.соч. – С. 69.
 История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945 гг.: учебн. для студентов / под ред. Е.Ф. Язькова. – М., 2004. – С. 94.
 См.: Миронов, Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. – М., 2012. – С. 576–577.
 Там же. – С. 577.
 См.: Раушер, В. Гинденбург. Фельдмаршал и президент. – М., 2003. – С. 10, 101–105.
 См.: Садовая, Г.М. Германия: от Кайзеровской империи к демократической республике (1914–1922 годы): монография. – Самара, 2008. – С. 33–38.
 Там же. – С. 50–51, 247.
 См.: Патрушев, А.И. Германская история. – С. 358.
 См.: История Германии: учебн. пособие для студентов вузов: в 3 т. / под ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. – Кемерово, 2005. – Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века. – С. 104–107; Эггерт, З.К. Указ.соч. – С. 667.
 См.: Geschichtsbuch. Die Menschen und ihre Geschichte in Darstellungen und Dokumenten. – S. 90; Брюнин, В.Г. Политический кризис в Германии в сентябре–октябре 1918 // Учёные записки Ленинградского университета. – 1951. – Вып. 18.

ДРУГАЯ РЭЧ ПАСПАЛІТАЯ: НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ СУЧАСНАГА АСЭНСАВАННЯ ЯЕ ГІСТОРЫІ

М.В. Стрелец

11 лістапада 2018 года адзначаецца 100-годдзе аднаўлення незалежнасці польскай дзяржавы. Менавіта 11 лістапада 1918 года быў пакладзены пачатак Другой Рэчы Паспалітай, фінальная кропка ў гісторыі якой была пастаўлена ў сувязі з драматычнымі падзеямі Другой сусветнай вайны. У сувязі з дадзеным юбілеем у нашай заходняй суседцы выйшла вялікая колькасць публікацый навукоўцаў, палітыкаў, публіцыстаў. Многія з іх тычацца такіх аспектаў міжваеннай польскай гісторыі, як фарміраванне нацыянальнай тэрыторыі, суадносіны дэмакратычных і антыдэмакратычных метадаў у кіраванні грамадствам і дзяржавай (1918–1939 гг.). Менавіта гэтыя аспекты больш за ўсё маюць дачыненне да айчынай гісторыі. Таму аўтар вырашыў прапанаваць сваё ўласнае асэнсаванне дадзеных аспектаў.

Увосень 1918г. першая сусветная вайна імкліва падыходзіла да свайго лагічнага завяршэння, што супала з заканчэннем працэса складвання перадумоў вырашэння польскага пытання. Перамога ў гэтай вайне Антанты, выцісканне на абочыну сусветнай і еўрапейскай палітыкі Берліна і Вены, падтрымка ідэй стварэння Другой Рэчы Паспалітай у сталіцах краін Антанты, Маскве далі гістарычны шанец польскай нацыянальнай эліце, які яна блісуча выкарыстала.